

МУРА Бешенковская – АТОС Фоняков

«Кошачья переписка»

Мурр - Атосу

Атос!

 Меня назвали Мурром
/Виною гофмановский кот/
Под важным, пышным, чернобурым
Дрожит мой щупленький живот –
Так, впадинка... /Ни мех, ни имя
Не скроют нашей наготы.../
Итак, воззреньями своими
Пренебрегать как все коты
Не в праве я, - лизун варенья,
Хозяин, братец мой старшой,
Всё ждёт, когда свои творенья
Я изложу со всей душой...
Ну что ж, одно из них - про папу...
Вот у него – отец и мать,
А я ночами должен лапу
В тоске по родичам сосать...
Бывают сложные моменты
И у котов, и у людей,
Но люди платят алименты
На обездоленных детей...
Конечно, мне хватает рыбки,
Но я не прочь вкусить икры,
Лишённый маминой улыбки
Подкидыш папиной игры...
Вчера, затолканный в кювету
/О, сколько ханженских оков.../,
Я начал писать в «Литгазету»-
/Пардон, топ scher, но важно это/ -
Увидел подпись: «Фоняков»...
И вспомнил я, что слышал где-то,
Настроив ушки как радар,
Что ты у этого поэта
Живёшь на твёрдый гонорар...
Отец! Минтая доедая,
Бредя в морфейные края,
Вспомни: в мире есть худая
Ночная копия твоя...
Ты бросил нас незрячих, босых,
Но я тебя боготворю.

Будь благородным! Будь Атосом!
 О маме я не говорю:
 Прелюбодейка, и в итоге
 Животных низменных страстей,
 Как древнегреческие боги,
 Готова жрать своих детей –
 Мы ей мешаем в новых встречах:
 У мамы Ляли вновь ля-мур...
 ...Мужчины всё же человечней...
 Жму лапу. Жду поддержки...

Мурр.

Атос – Мурру

Ушастый чёрный мой сыночек!
 Послать могу я, наконец,
 Хоть несколько душевных строчек
 Тебе, как любящий отец.

А в чём причина промедленья –
 Тебе поведаю сейчас.
 Пусть прозвучит как наставленье
 Мой драматический рассказ.

Беда обрушилась на папу:
 Подбили папе камнем лапу –
 Травмировали, так сказать,
 И эту раненую лапу,
 А вместе с ней, конечно, папу,
 Решил Хозяин эскулапу–
 Ветеринару показать.

Вовек не знать бы этой доли!
 Меня поставили на стол,
 И я едва не взвыл от боли,
 Когда мне сделали укол.

Но нет, не взвыл: ведь я мужчина –
 Молчал, достоинство храня.
 И призываю нынче сына:
 Во всём бери пример с меня!

Знай, сын мой: мир велик и сложен,
 Друзья живут в нём и враги.
 Будь смел, но вместе – осторожен,
 А хвост особо береги...

Будь чаще бодрым и весёлым,
 Держи трубой всё тот же хвост,
 А в общении с дамским полом
 Будь обаятелен и прост.

Хоть говорят, что по натуре
 Непостоянны мы, коты,
 Я рад во всей твоей фигуре
 Увидеть мамины черты.

И не суди о ней превратно:
 У нас любовь была всерьёз,
 Причём, уже неоднократно...
 Жму лапу.

Твой отец.
 АТОС

12 июня 1983 г.

Мура – Атосу

О, Атос, я - последняя дура,
 Или скажешь мяукать «ура»
 Оттого, что не Мурр я, а Мура,
 Каку доказано было вчера:
 Были эксперты очень серьёзные,
 Непредвзято глядели под хвост...
 И сказали, что о каяться поздно,
 И что случай достаточно прост...
 Случай сам себя чувствовал Мурром
 И на прочность, ленив и незван,
 Ястребиным своим маникюром
 Проверял философски диван...
 Я мечтал об эссе и о рыбке,
 Кот в мешке... Развязался мешок, -
 И хозяев кривые улыбки
 Прошибал генетический шок...
 Всколыхнулась давнишняя драма –
 Ровно тридцать бессонных ночей
 Здесь гостила любезная мама –
 Репродуктор любовных речей...
 Головные звенящие боли
 /Дай кота – хоть пали из ружья.../
 ...Начиталась античности, что ли,
 Развертывая сына в мужья,
 Обольстившая пол-Комарово
 До тебя, мой наивный папа...

Впрочем, всех нас от сытной столовой
 Увлекает кошачья тропа...
 Впрочем, хватит злословного соло,
 Я - действительно дама, увы:
 Первый признак прекрасного пола –
 Язычок-не сносить головы...
 Я свернусь в гуталиновый жемчуг
 И хозяйке на ушко спою:
 Принимай, уязвившая женщин,
 Эту кару на шею свою...
 Буду нежиться с вазой на шкапе
 И в постели с твоим сорванцом,
 А накажешь – пожалуюсь папе:
 Защищай, коль назвался отцом...
 Бедный папа с подшибленной лапой
 /Сердце пискнуло мышкой в груди/,
 От уколов слезами не капай -
 Ты попробуй однажды роди...
 И спасибо тебе за советы –
 Может быть, пригодятся когда...
 Может, нас и научат поэты,
 Хвост поджав, превратиться в кота...

P. S.

Я твой конверт храню. В труху
 Не изорву, играя рьяно.
 Поклон за Бедного Демьяна,
 Но – жду демьянову уху..

Атос – Муре

Не успел полюбить я сыночка –
 И, пожалуйста, вот тебе на:
 Не сыночек, выходит, а дочка,
 То есть, вкратце, не «он», а «она»!

А куда ж, извините, доселе,
 Очевидностям всем вопреки,
 Котоводы-владельцы глядели –
 «Хомо сапиенсы», знатоки!?

Я такого не ждал реприманда,
 Я неделю ходил, как чумной,
 Вся кошачья окрестная банда
 Потешалась, увы, надо мной.

Но сказал я: «Нет, плакать не надо!
 Не печалься Атос, не грусти:

Всё равно – ведь родимое чадо,
Плоть от плоти и шерсть от шерсти.»

О простор без конца и без края,
Без конца и без края мечта!
Узнаю тебя, дочь! Принимаю!
И приветствую взмахом хвоста!

АТОС

И снова Атос – Муре

Привет тебе, дочурка Мура!
Я не писал тебе давно,
Но что-то нынче слишком хмуро
Зима глядит в моё окно.

На стёклах грязные капли
Я замечаю поутру,
И на душе тоска, и лапы
Совсем не тянутся к перу.

А в довершение печали
Я часто думаю о тней –
О незабвенной чёрной Ляле,
Покойной матери твоей.

А ты сама теперь большая,
И, может быть, уже, хе-хе,
Тебе подумать не мешает
О милом друге – женихе...

Но как-то мне тревожно всё же,
Когда подумаю о том,
Как мало нынче молодёжи,
Всерьёз достойной быть Котом.

На всех усатых и хвостатых
Какой-то детскости печать:
Весь век ходить бы им в котятках
И ни за что не отвечать...

Тебе желаю я сердечно:
Осуществи свою мечту,
И друга выбери, конечно,
По сердцу, а не по хвосту.

А я себе не изменяю:
Ем рыбку, сплю и вижу сны,

И потихонечку линяю
Здесь, в ожидании весны.

Не для того, чтобы растрогать,
А просто так, от всей души
Дарю тебе мой старый коготь.
Целую, дочь моя. Пиши!

Папа Атос

Отцу-слепцу /взрослеют дети.../ от милой дочери в декрете...

Ах, папа, папа, - женихи
Остались в юношеском прошлом...
Они писали мне стихи
С томленьем трогательно-пошлым.
Но я мечтала не о том –
Не о любезностях дешёвых,
Давно помолвлена с котом
Из философских, камышовых...
Мой обожаемый Платон
Звонил, тревожа сердце мявом,
И был его зовущий тон
Залогом будущим забавам...
И, наконец, когда с тоски
Я стала в клочья рвать перины,
Мой друг прислал за мной такси
И нежный запах осетрины...
Мне сшили белую фату,
Я в ней прошла перед гостями...
В пути она сползла к хвосту
И жемчуг брызнул под когтями...
Ах, не для наших гордых шей
Их человеческое чванство!
Хотя не ловим и мышей,
И впереди – вегетерьянство:
Пропал минтай, всё реже хек...
Но мой Платон – он всех заставил
Ловить, хватать когтями чек, -
И бал тарелками заставил!
Я поняла: в квартире он -
Хозяин! Был старинной шубой
Нам пол накрыт...
...Мудрец Платон,
Увы, не знал, где хвост – где губы...
Всё целовал мои следы,
Учёной робостью измучил,

Водил смотреть на свет звезды
 И, наконец, вконец наскучил...
 Блеск чешуи солёных звёзд
 Не утоляет – только дразнит...
 Ужель тянуть кота за хвост?!
 Упущен миг. Испорчен праздник.
 Чего ещё мне было ждать? –
 К родной кювете фаэтона,
 Мурлыча: «...собственных Платонов...
 Российская земля рождать...»

...А дверь соседская была
 Чуть приоткрыта...Скрёбся Буся...
 И я как чёрная стрела
 Влетела...
 Зря меня звала
 Хозяйка – кот не в ейном вкусе:
 И толстоват, и глуповат,
 Собственнодачный многоженец,
 Тщеславный вид, сметанный взгляд,
 Ни дать ни взять – еврей-снабженец...
 А я пласталась перед ним,
 В кошачьей страсти обезумев –
 Так с каждой кочкой делит нимб
 Разбушевавшийся Везувий!
 Я привела его домой,
 Шепнула: вот диванчик мой,
 Вот стол мой письменный, - входите...

И здесь, на письменном столе,
 Как всадник, скачущий в седле,
 Мы были счастливы, родитель!

О, в эту ночь никто не спал
 В знак солидарности с котами!
 То фолиант, гремя, упал,
 То ваза с вкусными цветами...
 Что мне докучливый укор,
 Что свято место стихотворства,
 Когда – о, сладостный укол!
 Святой союз единоборства!
 Не знаю, в чём моя вина –
 Хозяйка дуться соизволит,
 Ворчит, что даже и она
 Себе такого не позволит...

Пускай завидуют котам:
 Всегда – как Ева и Адам,
 Первоначальный смысл предметов
 Оспаривая у поэтов!

...Но после мурр-ля-мур-страстей,
 Увы и мяу, - ждут детей...
 (И я, увы, не исключенье.)
 Как видно, я уже - не та:
 Во мне всё больше живота -
 И меньше Бусей увлеченья...

Ещё могу добавить я,
 Что всех беременность моя
 Интересует и тревожит:
 От Буси рыбку носят мне
 Как добросовестной жене...
 Платон звонит... И Васька тоже...
 И сочинители хотят
 Усыновить моих котят,
 Зачатых на литературе,
 Но посюсюкав день и два...
 (Увы, слова, одни слова
 В словоохотливой натуре...)

И я боюсь, что без прикрас
 Грозит младенцам унитаз,
 А мне – коварный нож хирурга,
 Поскольку очень я кричу,
 Когда к любимому хочу –
 Стенают стены Петербурга...

На этом я, Атос, прервусь.
 (Надеюсь, что развеять грусть
 Мне удалось твою.) Решаю,
 Какие дать им имена:
 Шварц, Вакса, Клякса, Сатана, -
 О, Боже, кажется, рожаю!!!...???

P. S.

Атос, - о, сладостный КОТарсис! –
 Тебя не посрамила дочь:
 Во мне как бусинки катались
 Котята Бусины всю ночь...
 И наконец...

Тушите свет!

О, стыд восторженного стога:
 Три чёрных – вылитый сосед
 И три – как дым любви Платона...

В ночь 25 -26.01. 1983

Мура – отцу (накануне)

Должна тебе я сообщить, Атос,
Ужасное и странное известье,
(Мужайся, нюхай пепел папирос
хозяина...)

Подумать о невесте
Пора, навек покинутый отец...
Вдовец.
Нет больше Ляли... Подлая лиса!
Кто звал её к писательской обедне!..
Наверно, слухом полнятся леса,
Что зайцев здесь – на целый заповедник...
Хоть говорят: покойница – бела...
За кошкин род – о, внутреннее жженье,
О, вечный стыд! – Ведь ма всегда была
В изнеможеньи или в положеньи
И, значит, беззащитная с хвоста...
А хищники, увы не только в клетке –
Они и в джунглях творческих нередки,
Им по душе курортные места...
Нет больше Ляли! Скромный обелиск
Ей не воздвигли. Очередь за папой
(Не в лапы лис, а облик обелить
Своею всепрощающею лапой...)

P. S.
Раз уж не было свечи
На скрещённых лапах,
Ты уж там похлопочи
О бессмертьи, папа!
Хоть сиротская тоска
Лечится едва ли,
Но пускай висит доска
«ЗДЕСЬ БЫВАЛА ЛЯЛЯ»

Пусть запомнит молодёжь,
Как погибла мама...
(Я надеюсь, ты найдёшь
Блат и чёрный мрамор...)
И пускай глядит со стен
Творческого дома
Рядом с Тихоновым Н.
Чёрная Мадонна...

Мура

ПРИМЕЧАНИЯ К ДОПОЛНЕНИЮ К ПИСЬМУ ОТ 25-26/1-с.г.

1.

Спеша обрадовать отца
Я буквы лапами вминала,
Смахнув хвостом конец финала...
Лови за хвост финал конца:

(ПИЩАЩИЙ В СЛИЗИ И КРОВИ
ПЛОД ПЛАТОНИЧЕСКОЙ ЛЮБВИ...)

-Отправив, вдруг перечитила.

2.

Атос, ворча на молодёжь
(За коготь сломанный – спасибо),
Во мне поддержки не найдёшь:
Я не мяукаю как рыба...
(А что касается любви -
Вообще готова разорваться)
Но ты кота мне назови
Котом достойного назваться...
Котята ждут, что посвятят их
В коты матёрые, а там...
Но, видно, выгодно котам
Котов придерживать в котятках
До петухов, до третьих стуж;
А ведь коты – не долголетки...
Брюхатят кошек, пьют из луж
И шкурой платят за объедки...
Но словно с горней вышины
Взирают, как в мехах и в теле
Мужских достоинств лишены
Коты мурлыкают в постели;
Кто ж отвечать, скажи, готов,
Да и с какой – подумай – стати,
За то, что мафия Котов
В хозяйской нежится кровати?
...Взамен трибун – помойный бак,
А ты махнул хвостом на это...
И лицемерны вздохи как
«Литературная газета»...
Но встретив мать зарю,
Прижав к груди молокососа,
Твой коготь детям подарю –
Не забывайте про Атоса...

Прости, Атос, под сенью муз
 Напоминанье о лишае,
 Но мой целительный укус
 Тебе лиять не помешает...

Мур-р-р-р-ра

29/1.с.г.

И снова Мура – Атосу

(По следам Катулла)

Может, Атос, благородный отец, заболел или умер?
 Или как мышью, лизнувшей мышьяк, подавился хвостатой обидой?
 Дочь свою, шерсть от шерсти, не поздравил...

Она ж, котоматерь,

В корчах родильных и то отвечала на письма Атоса...
 Позеленел виноград моих глаз от тоски и тревоги.
 Не отвечаю Платону, и Бусе, и Ваське, их мартовских арий не слышу.
 Как Серафим шестихвостый меня окрылили котятка.
 Я их кормлю, чтобы мудрость впитали, на книгах. (Сегодня легла на Катулла).
 Им уже месяц, а дед их, Атос, даже в ус почему-то не дует...
 Когти его затупились – не в силах отбить телеграмму?
 Дочерью, столь легкомысленной, сколь откровенной, Атос недоволен?
 Знать бы пора, что мадонны из шлюх вырастают...
 Киски в постелях мурлычут в усладу хозяйскому уху,
 Им и не снилось б/п (беспородное) гордое счастье
 Доблестных кошек с повадками уличных девок
 (Как я теперь понимаю покойную маму...)
 Скоро в хорошие руки котят заберут (Представляешь,
 Конкурс возможных хозяев – по два человека на хвостик!)
 Ты не поздравил меня, так тебя я поздравлю в отместку:
 С мартом, Атос, и успехов тебе в личной жизни, - И Мура, и внуки.

P. S.

О, если б ты, Атос, родил, -
 Я, получив такую тему, -
 Коту под хвост: роман! Поэму!
 А ты – письмом не наградил...
 Наверно, спишь в тени алькова,
 Ворча на нынешних котят...
 (Прости, легла на Фонякова...)
 ...Прости, котятка есть хотят.
 (Вот нам когда отцов корить? –
 Детей рожать, детей кормить...)

Атос – дочери

Как летит моё время – ну, просто спасения нет!
 Не забьёшься под шкаф – против шерсти, проклятое, гладит:
 Не успел оглядеться – и вот я теперь уже дед.
 А, возможно, и прадед. А, может уже и прапрадед.

Но душой – ты поверь мне, дочурка! – я молод, как встарь.
 Всё бы письма писал! За одним лишь всегда остановка:
 Ускользая от работы наладился мой секретарь –
 То статья в «Литгазету», то, видишь ли, командировка.

Слышал я, что у Зои (Немножко я с нею знаком)
 Все коты на машинке печатают лапами сами.
 Но пока что не смею я даже мечтать о таком:
 Лишь сижу и смотрю на заветные буквы часами.

Я сижу и мечтаю, тихонько хвостом шевеля:
 Научиться бы мне – я б такое тогда напечатал!
 Мемуары о Ляле (француз бы сказал: «Оляля!»).
 Наставленья – тебе. И, как бабушка, – сказки внучатам.

Но хозяин опять прогоняет меня со стола,
 Сам к машинке садится, не видит меня и не слышит.
 Всё дела, говорит, всё дела у него и дела,
 А на самом-то деле – стихи непонятные пишет.

Впрочем, пусть его пишет и тащит в какой-то «Совписс»!..
 Сколько с ним ни живу – всё никак не пойму человека!..
 А меж тем со двора к нам доносятся возгласы кис,
 Потому что открылась у нас во дворе кискотека.

И такой за окном разливается солнечный свет,
 Что меня поневоле, как в юные дни, лихорадит.
 И не верится мне: неужели и вправду я дед?
 А, возможно, и прадед? А, может, уже и прапрадед!?.

Атос

Мура – отцу

Как я рада, Атос, что ждала и томилась не зря!
 В этой жизни, отец, нужно сделать великое что-то!
 Увольняй же скорей нерадивого секретаря,
 Если он не справляется с главным объёмом работы.

Укуси, наконец, - и отменится новый круиз,
 И статья подождёт, и стихами пускай не морочит,

А внимает твоим... И мешками таскает в «совКис» -
То есть мне, например, или детям и родичам прочим...

Промелькнёт наша жизнь, как пугливая серая мышь,
Все газеты порвут на какие-то странные нужды...
Но останется мяв с восхитительных мартовских крыш,
Над которыми птички любят нас – и кружат...

Вот тебе и проблема – всё та же – детей и отцов...
(Всех котят разобрали, и я размышляю в постели)
...Объясни же своим, кто хозяин, в конце-то концов!..
И держи их, как я, в своём чёрном пружинистом теле...

Даже младший корпит (созидается «Мурный поток»)
Над главою, как я «вдруг однажды беременной стала»...
МеМУРаы мои - это только тетрадный листок,
Но общественность 1-го «б» их с восторгом читала...

Лишь одно омрачает мои плодотворные дни:
Что бесплодны, увы, пируэты эрота на тапках...
Но я так закричу, что Платона и Бусю они
На руках принесут; и на задних попрыгают лапках!

Мура

Атос – дочери

Рецензия на пятисерийный фильм «Лялька» («Кукла») по роману Болеслава Пруса (Телевизия Польша)

Хотя весна давно в природе –
Держусь за комнатный уют:
Фильм «Лялька» («Кукла» в переводе)
По телевизору дают.

Но всё, однако ж, как в тумане:
Картина, может быть, не та?
Хоть раз мелькнул бы на экране
Хоть кончик чёрного хвоста!

И эти маленькие лапки,
И ушки – чутки и черны...
Гляжу, гляжу – всё тряпки, тряпки,
Панёнки, пани и паны.

Граф разорён. Глядит печально,
С тоской покручивает ус...
Ах, что-то, видно, изначально
Ты упустил, Болеслав Прус!

Подчас пикантную детальку
Покажут – что за ерунда!
Мне нужно Ляльку! Ляльку! Ляльку!
Вы ж обещали, господа!

Что ухмыляетесь эстетски?
Сказать хотите: я неправ?
Как это всё не по-шляхетски!
В конце концов, я тоже граф!

Атос Мурзиковски, граф де ля Фер

Мура – отцу

Атос, какой наивный пафос...
Хотя, признаться, и сама
В слепом котячестве попалась
На мушку тёртого Дюма:
И, вся дрожа, ждала Атоса,
Пушистый хвост и марку носа,
Боясь борзых, терпя актрис –
И что же?

 Был сюжет заверчен
Как в лапах – мышь...
 Похитил вечер
Фигляр, гроза дворцовых крыс...
Незаживающая рана:
Двуногий хлыщ – герой экрана
Взамен почтенного отца...

Они украли наши роли,
И всё искусство запороли,
Лишив и сути, и конца...

Кто смотрит нынче в телеящик...
Всё – надувательство одно!
Родильни кошкиной образчик –
Многосерийное кино...

(И как у нас безвкусно ню
Внесли в духовное меню...)

А что касается до Польши –
Она ж провинции не больше,
Да и не дальше...

Ох, Атос,
 Дожил до вылезших волос,
 А всё чего-то ждёшь с экрана
 Помимо скуки и обмана...

(Да и молчи, что «де ля граф» -
 Оперативен телеграф...)

Какой там фильм рождён, облизан,
 Свернулся, плакать перестал –
 Зевнём...

Для кошки телевизор –
 Великолепный пьедестал!
 Лежу, подставив спинку маю,
 Божеств египетских живею...
 А в титрах – снова – Соловей...*
 (Конечно, врут, но – вдруг поймаю?!.)

Маркиса М.

* Имеется в виду Елена Соловей, актриса.

и снова Мура – Атосу

Атос! Твой благородный слог
 Меня всё больше покоряет.
 (И как же скушно повторяет
 Его хвалимый всеми Блок...)
 Среди пушистой чепухи
 В обвислоусой мелодраме
 Твои прыгучие стихи
 Посвящены Прекрасной Маме...
 Какой крылатый взмах хвоста –
 И красота, и простота!
 И всепрощенье, и принятие
 Любых укусов и невзгод...

...А у меня мероприятие
 Такое, что – да будь я кот
 Годов преклонных, - не снесла бы...
 Но всё выносит пол наш слабый.
 Представь: на мой прекрасный пол,
 Где как на крылышках носима,
 Такой вонючий дождь пошёл,
 Что я решила: Хиросима...
 А что касается клопа –
 Беспозвоночная нирвана:

Спал как алкаш на дне дивана
 Не видя: ставят на-попа...

О мяу, мяу, мой диван,
 Ты мне взамен эпох и стран,
 Восток, безвыездная виза –
 Удобно, дешёво, легко...

...За вредность едкого сюрприза
 Мне сразу дали молоко.
 И оценив опасность акции
 (Я что увижу – то лижу)
 В чужой покой эвакуации
 Меня несли по этажу...
 В любимой их хозяйских сумок
 (В других – сервиз для разных дел...)
 Меня сравнили с Иммой Сумак -
 И носик мой похолодел
 От злопыхательства соседей –
 Без маек вылезших медведей...

...Чтоб ностальгии не бояться,
 Садись к минувшему спиной...
 Я села с важностью на яйца,
 И все смеялись надо мной
 Напрасно:

 Курицей – могу,
 Мурлыкать же в чужом кругу –
 Увольте... Вот что я хотела
 Сказать. Не поняли меня...
 Бесплодно ёрничало тело
 До возвращенческого дня:
 Клевало чёрную смороду
 Чужим хозяевам в угоду,
 Шипя, бросалось на трюмо...

И тут меня домой позвали
 (О, сборы блюдец, трали-вали...)
 А там – Атосово письмо!

Отос! Атец! – смешались буквы
 Как слёзы встретившихся лиц!
 Минтай! Да мне кислее клюквы
 Малина их среди яиц!
 Жизнь посвятить щипанью куры –
 Какая дикая мура...
 (Стр. 2. ВОЗЗРЕНЬЯ КОШКИ МУРЫ)
 И – спать... (Пора, мой друг, пора...)

Р. S.: Атос, кислибрис твой
 Мне машет лапой как живой!
 Его я нюхаю украдкой,
 Ехидно щурясь, узнаю
 Твою трибунную повадку
 И жизнь диванную твою...

Атосу от Муры

РЫБАЙИ

(Подражание ОМАРУ)

Не люблю и боюсь пустобрёхов-собак:
 Из-за них не проводишь любимых в кабак...
 На крутом берегу для порядочной кошки
 Замечательный друг – молчаливый рыбак...

Шевелит плавниками чудачка-плотва,
 Хвостик бьётся в воде, на песке – голова...
 Если ты на крючке червячка доедаешь, -
 И уха справедлива, и кошка права...

Эта килька себя возомнила звездой:
 Полюбуйтесь, - блестит чешуя под водой!
 Но ещё серебристей консервная банка –
 Хвастовство мелкоты обернулось бедой...

Мне хозяин, как стае, сказал: «Налетай!» -
 Он сегодня поймал в магазине минтай.
 Я люблю безголовую спинку минтая
 Как свои мяоизмы голодный Китай...

Почему-то двуногие любят икру.
 Я такого глубца в образцы не беру. –
 Я любовью свой гемоглобин повышаю –
 Это всем по корману, хвосту и нутру...

Отчего по ночам горлопанят коты?
Оттого, что не всем достаются киты...
Что с другими на лестнице дрючится кошка...
Наши страсти, увы, человечно просты.

Никого ты, Господь, не замысливал в брак:
Дышит рыбка – для кошки, для рыбки – червяк...
И омар под коньяк человеку по вкусу...
Для чего человек – не пойму я никак?..

1984